фразеология отсутствует даже в его наиболее чувствительных излияниях.

Напротив, автор ставит своего героя в положения, как бы *пародирующие шаблонные романтические ситуации сентиментальных повестей*, начиная их с любовных завязок. Вот, например, как по-своему интерпретирует Радищев сцену первой встречи героя с простодушной «пастушкой» (в главе «Едрово»): путник, молодой дворянин, заговаривает с приглянувшейся ему крестьянской девушкой Анютой — и вот что слышит в ответ: «Поди сударь, прочь от меня, оставь бедную сироту, — сказала Анюта, заплакав. — Кабы батюшка жив был и это видел, то бы даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею». Едровская Анюта (в отличие хотя бы от бедной Лизы) протестует и против намерения «барина» войти к ней в дом: «Да вот наш двор... Проходи мимо, матушка меня увидит и худое подумает».

Представленный в главе «Городня» тип барчука напоминает Эраста, отчасти предвосхищая его: «Он много имеет хороших качеств, но робость духа и легкомыслие оные помрачают». Своего Эраста, погубившего Лизу, Карамзин осуждает, но, в конце концов, призывает читателя к всепрощению: «Теперь, может быть, они примирились!» — восклицает он в заключение. Радищевский барчук вызывает, напротив, только отвращение.

В главе «Медное», рисующей тяжелую сцену аукциона крепостных, есть одно место, где Радищев прямо отталкивается от бесплодной и слезливой чувствительности сентиментализма: «На лестнице встретился мне один чужестранец. — Мой друг... Что тебе сделалось? ты плачешь! Возвратись, — сказал я ему, — не будь свидетелем срамного позорища».

Той «чувствительности и состраданию», которые вызывались в авторе «Путешествия из Петербурга в Москву» срамным *зрелищем бесправия и угнетения народа, были органически чужды сентиментальная стилистика и фразеология.*

Радищев писал (в главе «Крестьцы»), что «упругость духа вольности» переходит «в изображение речи». Своеобразие языка «Путешествия из Петербурга в Москву» — это, как видно, понимал сам автор — отвечало тому духу свободы, выразителем которого был наш великий писатель-революционер.